

№ 23: “постижим непостижимо”, “созерцаем несозерцаемо” и т.д. С. Рамфос показывает, сколь важен этот художественный прием для византийского мыслителя: он необходим Симеону для того, чтобы передать мистический опыт созерцания божественного света.

Симеон Новый Богослов – не только христианский мыслитель и богослов, но и выдающийся писатель, однако с этой точки зрения его обширное наследие изучено еще мало. Рецензируемая книга представляет собой важный шаг к заполнению этой лакуны: четыре исследователя анализируют гимны Симеона как образцы византийских *belles lettres* и приходят к ряду существенных выводов. Эти выводы позволяют точнее понять художественную природу гимнов и вписать их в подобающий литературный контекст.

Д.А. Черноглазов

Tristia ex Melitogaudio: Lament in Greek Verse of a XIIth-century Exile on Gozo / Transcribed, translated and edited by J. Busuttill, S. Fiorini, H. C.R. Vella. Malta: Farsons Foundation, 2010. CXXXVI+471 p.; 4 plates.

Рецензируемое издание представляет собой *editio princeps* (ранее публиковались лишь небольшие фрагменты) уникального стихотворного произведения на греческом языке середины XII в. Текст издан по единственной сохранившейся греческой рукописи MS. 4577 (olim N–42), написанной на 119 листах восточной бумаги, из Национальной библиотеки Испании в Мадриде. Автор поэмы, как видно, приближенный сицилийского короля Рожера II (1130–1154), попадает в опалу и отправляется в ссылку на Melitogaudos – остров Гозо Мальтийского архипелага. Пробыв там девять лет, он в стихах оплакивает свою долю изгнанника. Поэт обращается к визирю Рожера II адмиралу Георгию Антиохийскому (ум. в 1152 г.), умоляя ходатайствовать перед королем о возвращении на родину. Поэт воспекает подвиги короля, тогда еще наследника престола, в ходе его экспедиции на Мальту и Гозо в 1127 г., а попутно описывает этот остров, его природу и обитателей, их занятия и обычаи.

Издание выполнено тремя мальтийскими учеными – историком Стэнли Фьори-ни, неутомимым исследователем истории Мальты в Средние века и Раннее Новое время, опубликовавшим целый ряд источников по истории Мальты¹, и двумя филологами-классиками, известными главным образом работами об античных авторах, писавших о Мальте, – Джозефом Буссутилом, сделавшим транскрипцию греческого текста, и Горацио Велла, снабдившим его литературоведческими замечаниями и

¹ В том числе: *Documentary Sources of Maltese History. Part I. Notarial Documents.* № 1. Notary Giacomo Zabarra. R494/1(I): 1486–1488. Malta, 1996; № 2. Idem. R494/1(II–IV): 1494–1497. Malta, 1999; № 3. Notary Paulo Bonello. MS. 588: 1467–1517. Notary Giacomo Zabarra. MS. 1132: 1471–1500. Malta, 2005; *Documentary Sources of Maltese History. Part II. Documents in the State Archives, Palermo.* № 1. Cancellaria Regia: 1259–1400. Malta, 1999; № 2. Cancellaria Regia: 1400–1459. Malta, 2004; № 3. Cancellaria Regia: 1460–1485. Malta, 2007; *Documentary Sources of Maltese History. Part III. Documents of the Maltese Universitas.* № 1. Cathedral Museum, Mdina. Archivum Cathedralis Melitae. Miscellanea 33: 1405–1542. Malta, 2001 (в соавторстве); *Documentary Sources of Maltese History. Part IV.* № 1. Archivio Segreto Vaticano. Congregazione Vescovi e Regolari. Malta: Visita Apostolica. № 51. Mgr. Petrus Dusina. Malta, 2001; № 2. Archivio Segreto Vaticano: Cancellaria Apostolica and Camera Apostolica and related Sources at the Biblioteca Apostolica Vaticana 416–1479. Malta, 2005; *Documentary Sources of Maltese History. Part V. Documents in the Curia of the Archbishop of Malta.* № 1. The *Registrum Foundationum Beneficiorum Insulae Gaudisii* 1435–1545. Malta, 2006 (в соавторстве).

переведшим его на английский язык. Исторический очерк написан С. Фьорини. Однако значительную часть работы, в том числе по анализу рукописи, авторы делали совместно, поэтому и публикация источника, и сопутствующие материалы значатся как выполненные всеми тремя исследователями.

По итогам изучения памятника издатели дали ему условное название “*Tristia ex Melitogaudo*”, подразумевая, конечно же, написанные Овидием знаменитые “*Tristia ex Ponto*”. Поэма состоит из 4043 строк, размер стиха – одиннадцатисложный ямбический триметр (один из трех главных классических размеров). Издатели полагают, что поэма была написана не ранее 1135 г. или 1140 г., но не позже 1151 г. (что обусловлено деталями биографии и данными об окружении Георгия Антиохийского, см. с. XIII, комментарии к л. 113). Подробно анализируя текст поэмы, отмечая эрудицию автора и высокий литературный уровень этого произведения, издатели высказывают предположение, что автором поэмы мог быть знаменитый Евгений Палермский, личность которого, по мнению некоторых ученых, идентична Уго Фальканду (с. XLIII–LIX). Если с датировкой создания поэмы, предложенной издателями, можно полностью согласиться, то догадки о личности автора представляются достаточно произвольными.

Издание текста сопровождается введением, включающим в себя подробное историческое исследование, соображения о лексике и стиле поэмы и обширную библиографию (с. XI–СХХХVI). Далее следуют публикация текста с параллельным английским переводом (с. 1–239), индекс соответствий листов в тетрадах рукописи (с. 240), построчный филологический комментарий (с. 241–407), указатель и глоссарий упомянутых в рукописи имен (с. 409–440), индекс ключевых слов и фраз (с. 441–458), ономастический указатель к введению и комментариям (с. 459–471).

Издание снабжено четырьмя иллюстрациями. Первая дает представление о том, как выглядит лист рукописи. Вторая и третья воспроизводят знаменитые мозаики из церкви Марторана в Палермо, на которых помещены изображения двух основателей этого храма, упоминаемых в поэме: коронуемого Христом Рожера II и распростертого у ног Богородицы командующего флотом адмирала Георгия Антиохийского. Четвертая иллюстрация – фронтиспис рукописи, сделанный, когда она была заново переплетена на рубеже XVII–XVIII вв. и получила название на латыни: *Expositiones Spirituales Incerti Auctoris*.

По мнению издателей, оригинал рукописи поэмы был утерян. Как им представляется, они имеют дело со списком, который был изготовлен с этого протографа в XIII в. и оставался на Гозо до захвата острова турками в 1551 г. (с. ХСVIII). Издатели полагают, что, по-видимому, рукопись была частью взятой добычи, вскоре проданной турками французам, а в дальнейшем попала в собрание Кафедрального собора Мессины. В 1690 г. герцог де Уседа приобрел ее вместе с другими греческими манускриптами, принадлежавшими византийскому гуманисту Константину Ласкарису (1434–1501)², и перевез всю коллекцию в Испанию. С 1712 г. она находится в *Biblioteca Real*.

Идентификация места и определение культурной среды, в которой была создана рукопись, зависит только от ее правильной датировки и атрибуции. При отсутствии прямых указаний в тексте, это можно сделать только методами палеографии и кодологии. К сожалению, издатели не обратились к специалистам в этих дисциплинах, по сути, пропустив очень важный этап исследования. Они ограничились формаль-

² В описании указано, что следы принадлежности этой рукописи Константину Ласкарису отсутствуют (см.: *De Andres G. Catalogo de los codices griegos de la Biblioteca Nacional. Madrid, 1986. P. 57–58*). Но этот вопрос требует специального исследования.

ным описанием рукописи, очень полезным, но мало что говорящим о месте и времени создания кодекса и о его дальнейшей истории как артефакта книжной культуры.

Пытаясь решить соответствующие палеографические вопросы самостоятельно, издатели опирались на давно устаревшие пособия. Ссылаясь на них, они датировали рукопись XIII в. (с. XIII–XIV), что вынудило их в дальнейшем строить сложные гипотезы о длительном, вплоть до середины XVI в., бытовании манускрипта на Гозо перед попаданием в Мадрид. В рецензируемом издании воспроизведена только одна фотография рукописи, лист 76, как иллюстрация страницы, где в греческом тексте поэмы присутствует латинская вставка, дающая представление и о греческом, и о латинском почерке текста рукописи (с. СXXXVII, табл. 1). Но даже этого фрагмента достаточно, чтобы высказать предварительные наблюдения о датировке рукописи. Особенности письма позволяют отнести ее к середине – второй половине XII в. Такое уточнение возможно после блестящих исследований южноитальянских греческих рукописей XII в. в современной итальянской историографии (особенно после работ С. Луки) и фундаментального исследования датировки и происхождения знаменитой мадридской рукописи “Хроники” Иоанна Скилицы середины XII в., в частности, в работах Н. Вильсона и Б.Л. Фонкича³.

Предварительный анализ почерка рукописи (по помещенной в книге ксерокопии и по трем дополнительным копиям, любезно присланным проф. С. Фьорини) позволяет заключить, что в нем имеются признаки почерков двух типов. Во-первых, почерков круга писца Мадридского Скилицы (30–40-е годы XII в.)⁴. Во-вторых, некоторых элементов почерков Чикаго-Карахиссарской группы, как известно, практически не выходящих за рамки второй половины XII в.⁵ Почерк рассматриваемой рукописи демонстрирует принадлежность к тому набору греческих почерков, который представлен в документах 40–50-х годов XII в., происходящих из архиепископского архива Мессины и архива монастыря Сан-Сальваторе, хранящихся ныне в архиве герцога Мединачелли в Севилье⁶.

Данная рукопись вполне может быть вписана в ту греческую книжную культуру, которая надежно датируется серединой – второй половиной XII в. и локализуется в Сицилийском королевстве. Палеографические свидетельства не противоречат истории появления текста рукописи в том виде, как она описана издателями (с. ХCVIII). И это позволяет поместить не только текст поэмы, но и саму рукопись в контекст истории Сицилийского королевства норманнов. Появление и существование данного памятника отвечает сложившимся представлениям об “эллинизации” сицилийского двора в правление Рожера II, когда в элите королевства утверждалась и демонстрировалась преемственность власти норманнов по отношению к прежнему господству ромеев в Южной Италии.

Если принять нашу датировку рукописи, то можно совсем по-иному поставить вопрос о личности автора и писца рукописи. В таком историческом контексте издаваемая рукопись вполне может являться чистовым автографом автора поэмы. Об этом, как представляется, свидетельствуют и отмеченные издателями особые

³ См.: Фонкич Б.Л. О происхождении Мадридской рукописи Скилицы // Монфоко. Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике. М.; СПб., 2007. 1. С. 138–156 (с указанием полной библиографии проблемы).

⁴ См.: Lucà S. I normanni e la “Rinascita” del sec. XII // Archivio storico per la Calabria e la Lucania. Anno LX. 1993. P. 36–63.

⁵ Фонкич Б.Л. Византийские скриптории (некоторые итоги и перспективы исследования) // JÖB. 1981. Bd. 31. S. 442–443.

⁶ Воспроизведения почерков некоторых из этих документов см. в статье: Bravo-Garcia A. Notarios y escrituras en el mundo documental griego de Sevilla (Archivo General de la Fundación Casa Ducal Medinaceli) // Scritture, libri e testi nelle aree provinciali di Bisanzio / A cura di G. Cavallo, G. de Gregorio e M. Maniaci. Vol. II. Spoleto, 1991. P. 447. Tav. I–XX.

эмоциональные пометы на полях (с. XVIII), сделанные той же рукой, что и текст поэмы.

Особого изучения заслуживают малограмотные греческие пометы на полях рукописи, выполненные как подписи свидетелей под официальными документами (л. 4, 50 об., 51 и др., см. с. XVI–XVII). Издатели считают, что эти записи “удостоверяют” копию, сделанную с оригинала рукописи, и уделяют им большое внимание, стараясь обосновать свою гипотезу о длительном бытовании рукописи в грекоговорящей церковной среде на о. Гозо (с. XXVII–XXVIII).

Однако это предположение встречает два возражения. Во-первых, нам неизвестны примеры подобного “удостоверения” или “освидетельствования” скопированных греческих рукописей. Во-вторых, на наш взгляд, лишь упоминание в этих записях диакона, носящего мальтийский патроним “γουρτης” (“происходящий с острова Гозо”), можно считать убедительным доказательством присутствия рукописи на Гозо. Судя по описанию и транскрипции (приведенной на с. XVI), эти записи скорее можно трактовать как “пробу пера” на полях рукописи, которую делают, чтобы “отрепетировать” подпись под каким-то важным документом⁷. Не исключено и то, что таким способом владелец обозначил свое имя на принадлежащей ему книге – так же, как привык по-гречески подписывать документы. Подтвердить или опровергнуть это предположение было бы возможно лишь в том случае, если бы эти “удостоверяющие” (или владельческие?) пометы удалось датировать и локализовать палеографически. С равной степенью вероятности можно предположить, что человек родом с Гозо оказался читателем рукописи на Сицилии и оставил свою подпись, находясь в грекоязычной среде при кафедральном соборе Мессины.

Исследование всех сохранившихся на полях рукописи помет в сочетании с восстановлением ее истории может дать дополнительные сведения, проливающие свет на судьбу и окружение поэта-пленника на Мальтийских островах, а возможно, и на обстоятельства перемещения рукописи на Сицилию. Для окончательных выводов необходимо провести специальное палеографическое и кодикологическое исследование этого уникального манускрипта. Рецензируемое издание дает историкам и филологам хороший урок, лишней раз напоминая о самостоятельном значении палеографии по отношению к филологическим и историческим методикам критики текста.

Значение *Tristia ex Melitogaudo* как исторического источника, прежде всего, конечно, по истории Мальтийских островов, трудно переоценить. С момента захвата арабами в 869 г. и до завоевания сицилийскими норманнами в 1091 г. и окончательно в 1127 г. история архипелага известна плохо и почти исключительно по более поздним арабским источникам. Самый яркий эпизод – попытка Византии в 1038–1040 гг., в рамках сицилийского похода Георгия Маниака, восстановить контроль над островами, попытка едва не завершившаяся успехом (арабы смогли переломить ситуацию, лишь обещав всем рабам, которые захотят защищать острова, свободу, своих дочерей в жены и часть имущества) – как будто свидетельствует, что в этой стране уже не осталось христианского населения. С этого времени здесь доминировал арабский язык (разновидностью которого является современный мальтийский),

⁷ Именно так выглядят подписи под актами купли-продажи и завещаниями, составленными грекоговорящими жителями Южной Италии этого и немного более позднего времени. См. воспроизведения этих подписей в публикации А. Гийу: *Guillou A. Les actes grecs de S. Maria di Messina. Enquête sur les populations grecques d'Italie du Sud et de Sicile (XIe–XIVe s.) (Istituto Siciliano di studi bizantini e neoellenici. Testi e monumenti pubblicati da B. Lavagnini. Testi, 8). Palermo, 1963.*

а столицей вплоть до середины XVI в. стал город Мдина (Медина) на юге острова Мальта, главные ворота которого, впрочем, испокон веков назывались греческими – почему, неясно. Известно, однако, что еще в 1299 г. на Мальте и Гозо были люди, подписывавшиеся по-гречески, что и в дальнейшем жители островов обнаруживали приверженность ко многим греческим культам и соответственно к греческим именам и что мальтийская литургия и в Средние века, и в Раннее Новое время имела ряд, несомненно, восточно-христианских элементов, которые нельзя отнести на счет влияния переселенцев с Родоса после 1530 г. (с. XXVII–XXVIII, LXX–XCXV). Известно также, что христианские невольники, освобожденные графом Рожером, встретили его крестным ходом и криками Κύριε ἐλέησον и что уже в начале XII в. была восстановлена Мальтийская епархия. В 1127 г. острова вошли в состав Сицилийского королевства, и теперь уже мусульманское население островов оказалось на положении сервов, обложенных тяжелыми податями. Тем не менее вопрос о судьбе мальтийских христиан в арабский период оставался до последнего времени открытым, чему немало способствовали туманные сведения источников XII–XIII вв., оставляющие впечатление, что на островах проживали по большей части мусульмане и евреи (например, так называемое сообщение Гилицерта 1241 г.)⁸. *Tristia* позволяют существенно скорректировать это впечатление.

Поэма содержит разнообразные сведения о Мальтийских островах и особенно о Гозо – месте ссылки поэта. Похоже, что там его окружали и мусульмане – агаряне, как он их называет, в соответствии с европейской традицией его времени, – и христиане. С восхищением и теплотой поэт отзывается “о благочестивых последователях Христа”, которые живут в *Melitogaudos* со своим епископом. По словам автора поэмы, христиане Гозо поклоняются “Святой Троице от предков”, что позволяет сделать вывод о сохранении христианских общин на острове в период арабского владычества. Текст может указывать на то, что в это время христианское население архипелага было сосредоточено в основном именно на Гозо, тогда как на Мальте проживали преимущественно мусульмане и евреи. К слову, местные христиане говорили в основном по-арабски, что создавало для автора дополнительные затруднения. Особо следует отметить очень раннее свидетельство того, что кораблекрушение апостола Павла (Деян. 27–28) уже тогда локализовалось на Мальте, а именно на необитаемом островке *San Pawl* у северного побережья Мальты, что соответствует более поздней мальтийской традиции и объясняет исключительно важную роль культа апостола на архипелаге⁹. Множество деталей о природе, топографии, повседневной жизни и хозяйственных занятиях местных жителей, содержащихся в тексте, несомненно, обогатят представления ученых о средневековой истории Мальты и Гозо.

Чтобы выразить свое состояние и чувства, поэт обращается к классической греческой и римской мифологии, литературе и истории, находит утешение в христианской вере. Он создает сложную, но органичную картину, в которой переплетаются классические и библейские символы и сюжеты, созвучные его страданиям и тоске в варварской, а иногда и враждебной языковой, культурной и религиозной среде. Создается яркое впечатление о жизни поэта на Гозо, его прогулках по скалам и мысам острова, откуда в хорошую погоду он изредка видел свою родную Сицилию. Блестящий филологический анализ прекрасно показывает литературные, исторические и философские достоинства поэмы. Эта отличная и в высшей степени серьезная рабо-

⁸ См.: *Luttrell A.T. Giliberto Abbate's Report on Malta: ca. 1241 // Luttrell A.T. The Making of Christian Malta. Ashgate, 2002. Chapter IX; Dalli Ch. A Muslim Society under Christian Rule // Melitensium Amor: Festschrift in Honour of Dun Ġwann Azzopardi. Malta, 2002. P. 37–56.*

⁹ См.: *The Cult of Saint Paul in the Christian Churches and in the Maltese Tradition / Ed. J. Azzopardi. Malta, 2006.*

та, выполненная на современном научном уровне, несомненно, привлечет внимание специалистов¹⁰ и станет важным событием в изучении как средневековой истории Мальтийских островов, так и ученой греческой культуры средневековья.

М.А. Курышева, И.С. Филиппов

Guiglia Guidobaldi A., Barsanti C. Santa Sofia di Costantinopoli. L'arredo marmoreo della Grande Chiesa giustiniana. Testi Barsanti C., della Valle M., Flaminio R., Guiglia Guidobaldi A., Paribeni A., Yalçın A.B. Appendice Fabiani L. Città del Vaticano, 2004 (Studi di Antichità Cristiana, LX). XVI+893 p., 480 ill.

Монография “Константинопольская Святая София. Мраморное убранство юстиниановской Великой Церкви” является изданием корпуса значительной части элементов мраморного декора церкви Св. Софии. Работа коллективная; ее организаторами и главными авторами являются римские искусствоведы-византинисты Алессандра Гилья Гуидобальди и Клаудиа Барзанти, чьи имена вынесены на обложку. Читатели знают их многочисленные публикации о византийских мраморах в столице, в разных пунктах Средиземноморья, в том числе в Риме. Работа над этой книгой велась с начала 1990-х годов, и импульсом к ней послужило издание ансамбля византийских мраморных плит из римской церкви Сан Клементе¹, которые очень близки к плитам юстиниановской Св. Софии. Начиная с 1999 г. работа приобрела международный характер, благодаря сотрудничеству со Стамбульским университетом и Музеем Аясофия (Ayasofya Müzesi). В издании участвовали Асну Бильбан Ялчин (Стамбул) и итальянские исследователи Маура делла Валле, Роберта Фламинио, Андреа Парибени.

Тема монографии ограничена плитами различных балюстрад и декорации окон Св. Софии, поскольку коллекция капителей из этой церкви изучалась неоднократно, их корпус издал Томас Цолльт². Обобщающего исследования о мраморных полах константинопольских церквей, в том числе Св. Софии, пока нет; работа над ним ведется под руководством А. Гилья Гуидобальди.

Во введении А. Гилья Гуидобальди и К. Барзанти дают характеристику письменных источников о Св. Софии и ее декорации начиная с Прокопия Кесарийского и Павла Силенциария. Важным источником является разнообразный иконографический материал, от миниатюр византийских рукописей до литографий и акварелей XIX в., а также архитектурные чертежи второй половины XX в. Здесь же авторы разясняют читателю довольно сложный план своей работы, употребление терминов и структуру статей каталога. Мрамор разделен на группы по его местоположению в интерьере здания. Большая его часть рассмотрена в двух первых главах – они являются основными. Третья глава посвящена сполиям. Структура глав и терминология унифицированы, что помогает читателю легко ориентироваться в этом множестве предметов, которые на первый взгляд кажутся единообразными.

¹⁰ Судя по историческим и краеведческим интернет-форумам, на Мальте публикация вызвала значительный резонанс. Однако до сих пор в свет вышла всего одна научная рецензия – литовского филолога-классика Наглиса Карделиса (*Kardelis N. A Scholarly Monument to Malta's History // Literatūra*. 2010. 52 (3). P. 101–106), давшего изданию высокую оценку.

¹ *Guidobaldi F., Barsanti C., Guiglia Guidobaldi A. San Clemente. La scultura del VI secolo*. Roma, 1992 (San Clemente Miscellany, IV, 2).

² *Zollt Th. Kapitellplastik Konstantinopels vom 4. bis 6. Jahrhundert n. Ch.* Bonn, 1994 (Asia Minor Studien, 14).